

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)

тов. СТАЛИНУ

Направляю Вам стенограмму очной ставки между
Рыковым А.И. и Нестеровым Б.П.

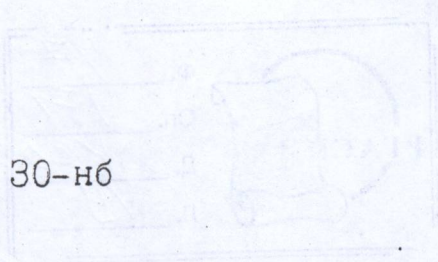
Народный Комиссар
Внутренних дел Союза ССР

Н.Ежов

24 февраля 1937 года

№ 55970

30-нб

СТЕНОГРАММА ОЧНОЙ СТАВКИ

между РЫКОВЫМ и НЕСТЕРОВЫМ от 22-го февраля 1937 года

Ежов: Вы долго работали с Рыковым А.И.?

Нестеров: Я у него работал с 1920-21 г.г. по 1930 г.

Ежов: В качестве кого вы работали?

Нестеров: В качестве его секретаря и заведывающего секретариатом.

Ежов: У вас никогда не портились по работе личные взаимоотношения?

Нестеров: Нет.

Ежов: Почему же в 1930г. вы ушли с работы из секретариата Рыкова?

Нестеров: Я ушел с работы по постановлению отдела ЦК ВКП(б).

Ежов: Алексей Иванович Рыков возражал против вашего ухода, или выражал удовольствие?

Нестеров: Насколько я помню, он возражал.

Ежов: У меня к вам вопрос: Нестеров, вы подтверждаете свои показания, которые дали на предварительном следствии?

Нестеров: Да, подтверждаю.

Ежов: Не оговорили ли вы здесь Рыкова или себя. Не преувеличили ли вы свои преступления?

Нестеров: Нет, я никого не оговорил, меня об этом спрашивают не первый раз, я подтверждаю, все, что говорил на следствии.

Ежов: Тогда у меня к вам следующий вопрос: вы давали показания, что являетесь участником контрреволюционной организации правых.

Кем и когда вы были вовлечены в эту организацию?

Нестеров: Я являлся членом организации правых с момента ее возникновения и был связан с Рыковым. Вошел я в организацию, конечно, по внутреннему убеждению, поскольку я являюсь человеком политически грамотным. Кроме того, здесь

сыграло большое значение и та обстановка, в которой я работал, а также персональное влияние Рыкова А.И., Бухарина и Томского. Так что мое вхождение в эту организацию нужно отнести к 1928-29 г.г.

Ежов: В своих показаниях вы говорите, что в 1929 г. подали заявление об отходе от правых. Было ли это заявление искренним, или Вы тогда обманывали партию.

Нестеров: Я подал заявление немного позже ноябрьского пленума 1929г. Если попытаться сопоставить дату подачи моего заявления и дату подачи аналогичных заявлений другими правыми, а затем Рыкова, Бухарина и др., то Вы увидите, что они в значительной степени совпадают. Факты красноречиво говорят, что это совпадение не случайно: незадолго до этого мы выступали открыто в защиту своей точки зрения, и вдруг сразу изменились. По поводу нашего заявления, моего в частности, нужно сказать, что это был своеобразный тактический маневр, чтобы остаться в партии и вести разлагающую работу против нее, взрывать партию изнутри. Этот момент нужно несколько раздробить. Было время, когда мы расходились с партией в оценке положения, расходились и по целому ряду других вопросов, но оставались в партии и думали изжить это легальными методами, в рамках партии. Но после того, как ноябрьский пленум 1929г. признал эти взгляды, т.е. взгляды правых...

Рыков: "Но до этого думали изжить?"

Нестеров: Да, думали изжить, но после ноябрьского пленума, когда было вынесено решение относительно того, что пропаганда и взгляды правых несовместимы с пребыванием в партии, после этого наша тактика была изменена. По существу мы оставались на своих же позициях несогласия с партией, а в целях тактического маневра двурушничали, подали заявление, чтобы притупить бдительность партии, притупить ее внимание к нашей деятельности. Когда я подавал заявление, то несколько колебался, как колебались, может быть, и другие. После,

когда выяснилось поведение и положение всех лидеров правых, то мои колебания исчезли.

В тот момент, когда я писал заявление, я говорил Алексею Ивановичу Рыкову, что хочу писать заявление, но колеблюсь, поверят мне или нет. Рыков мне на это сказал, что нужно заявление подавать, т.к. все равно этим заявлениям никто не верит и не придает никакого значения.

Рыков: "Первую фразу вы передаете правильно, а вторую неправильно".

Нестеров: Я не могу расценивать свою память как какой-то фотографический аппарат.

Рыков: "Вы целые доклады запоминаете и еще в кавычки берете их".

Нестеров: Я передаю смысл содержания разговора. Если я одну фразу запомнил, то почему я не мог запомнить и другую фразу?

Ежов: Мотивировал чем-нибудь Рыков необходимость подачи заявления?

Нестеров: Специальной мотивировки не было, но такая мотивировка вытекала из всей совокупности, из всей оценки положения: в особой мотивировке мы не нуждались, мы все время находились в непрерывной связи между собой.

Ежов: В 1930г., когда вы ушли с работы в секретариате Рыкова, куда вы уехали?

Нестеров: Я поехал на работу в Свердловск. ✓

Ежов: Вы встречались в 1930-1932 г. с Рыковым?

Нестеров: Да, встречался у него на квартире.

Рыков: "Вы у меня в Наркомате ни разу не были"?

Нестеров: Не был ни разу.

Ежов: В каком году вы встречались с Рыковым у него на квартире?

Нестеров: Я встречался с Алексеем Ивановичем Рыковым в 1930г. и 1931г., когда я приезжал из Свердловска с поручениями делового порядка. ✓

Ежов: Сколько было всего встреч?

Нестеров: Конечно, значительно больше, чем я об этом говорю в своих показаниях, но наиболее важными и основными были две встречи. Одна встреча, которая была в 1931г., и вторая в 1932г. Это этапные встречи, где подводились итоги нашей контрреволюционной работы и намечались ее перспективы.

Ежов: Какой характер носил ваш разговор с Рыковым во время встречи с ним в 1931 году?

Нестеров: Разговор, если охарактеризовать его, носил антипартийный, антисоветский, контрреволюционный характер.

Ежов: Может быть вы более подробно расскажете содержание этого разговора?

Нестеров: Разговор происходил в 1931г., через год после того, как в 1930г., во время 16-го партсъезда Рыков, Бухарин, Томский, Угланов подали заявления или выступили словесно относительно того, что они дают обещание партии в дальнейшем работать вместе с партией, идти с ней нога в ногу и т.д. и т.д.

Я был у Рыкова перед своим отъездом в Свердловск, чтобы ознакомиться с общим положением и поговорить о наших перспективах, как членов организации правых. Эта встреча состоялась приблизительно в июне 1931г. Об общем характере этой беседы я уже сказал, но это можно конкретизировать.

Во-первых, относительно оценки нашего внутреннего положения. Эту оценку давал Рыков.

Мои взаимоотношения с Рыковым были таковы, что вопрос о том, можно ли мне доверять - не стоял, поэтому разговор происходил, так сказать, на чистоту. Этот разговор мне был необходим, как активному участнику организации правых, для того, чтобы координировать свои действия и организованно вести работу.

Касаясь оценки внутреннего положения, Рыков не щадил красок, чтобы представить дело таким образом: практическое осуществление политики партии подтверждает наш прогноз; в

области индустриализации больше разговоров об успехах, чем самих успехов, кричим о том, что много построено заводов, но заводы эти не работают. Говорили о Сталинградском тракторном заводе, который с треском провалился.

Рыков: О каком заводе?

Нестеров: По поводу того завода, о котором говорилось на XVI съезде партии. Говорили вы также о сельском хозяйстве, в том плане, что дошли до того, что "чем дальше в лес, тем больше дров", т.е. чем больше говорим относительно успехов коллективизации, тем больше возникает всяких трудностей не только хозяйственного значения, но и такие, которые переросли в острополитические затруднения. Тут приводились всякие выступления крестьянства, острые меры, которые нужно было принимать в отношении их и т.д.

Говорилось о положении в партии, что партия, с одной стороны, в целом все более и более начинает отрываться от населения и уже не может реагировать так, как должна была реагировать коммунистическая партия на настроения масс, не может правильно улавливать эти настроения и принимать соответствующие меры.

С другой стороны, внутри партии имеется известный отрыв верхушки партии. Верхушка партии переходит к методам администрирования, каждый наш закон имеет форму приказа. В этих условиях этот отрыв нами расценивался, как отрыв руководства от партии и, как мы думали, представлял собою гигантскую опасность.

Случайно ли такое положение или нет? Откуда оно вытекает? - говорил Рыков - и отвечал: Из неправильных отношений внутри партии. Такие отношения внутри партии мы расценивали, как зажим, как крушение внутрипартийного демократизма, как ставку на отдельных лиц и т.д.

Партия находится в оцепенении. Это оцепенение не случайно, оно является результатом неправильной внутрипартийной политики. Это в свою очередь связано с общей политикой партии. Одно цепляется за другое.

Такова была оценка, которую давал Рыков, а я с ним соглашался, оценка отрицательная, пессимистическая, которая требовала каких-то новых выводов.

Оставалось три или два с половиной варианта.

Один вариант - нужно было признать неправильность своих прогнозов, но как будто мы не могли это признать, судя по этой оценке.

Второй вариант радикальный - это бороться с партией всеми методами, поскольку методы открытого действия не дали нам успеха.

Наконец еще один выход - ни то, ни се, вернее никакого выхода: и не бороться и бороться, то, чего в практике не может быть.

Тут и встал вопрос - либо по ту сторону баррикад, либо по другую и мы пошли по другую. Мы выбрали этот вариант. Мы выбрали вариант вместе.

Рыков: Кто это мы, о ком вы говорите?

Нестеров: Когда я говорю "мы", я имею в виду и себя и вас. Я не отказываюсь от своей виновности и не хочу сказать, что моей вины здесь нет, что ответственность с меня слагается. Когда я говорю "мы", то я имею в виду правых. Я привожу здесь разговор, который имел место между мною и Рыковым и поэтому говорю "мы".

Ежов: Вы остановились на варианте активной борьбы - как это понимать?

Нестеров: Эта активная борьба означает террористические методы борьбы.

Рыков: Это я вам так сказал?

Нестеров: Может быть вы сказали "метод террористический", т.е. переставили слова, но смысл один и тот же. Да, я подтверждаю здесь то, что показал уже на следствии. По всей вероятности Вы с этими моими показаниями знакомы.

Рыков: К сожалению да.

Нестеров: Вы подождите, Алексей Иванович, говорить о сожалении. У меня тоже могут быть сожаления, об этом мы после поговорим. У меня свои сожаления, я слишком долго оставался с вами работать, только эти сожаления нужно квалифицировать по разному.

Мы закончили нашу беседу на том, что необходимо принять какие-то меры в направлении подготовки людей к террористической борьбе.

Алексей Иванович мне говорил также и относительно необходимости блоков, - что нужно закончить разьединенность с другими оппозициями, что для консолидации сил нам необходимо объединение - блок. Причем Рыков говорил, что эти сношения уже завязываются.

Рыков не говорил, что он лично имеет эти сношения, он говорил только о том, что они ведутся, может быть это делал Томский.

Рыков говорил, что необходимо эту идею блока продвигать дальше и принять в этом отношении практические меры.

Рыков говорил, что разногласия потеряли свою актуальность, что троцкисты бьют отбой по индустриализации.

РЫКОВ: Что значит "бьют отбой?"

Нестеров: Раньше они упрекали партию в том, что партия недостаточно внимания уделяет индустриализации, а в 1931 году они стали говорить, что партия переиндустриализовала. ✓

Во всяком случае вопрос индустриализации в 1931 году в новейшей его постановке не разделяет нас с троцкистами. Этот вопрос стал архивным и в глазах троцкистов.

Таким образом, в отношении отрицания политики партии у нас у всех у правых, и у левых, создалась полная солидарность. Все мы отрицательно оценивали политику партии во всей ее совокупности, и хозяйственную и внутрипартийную. ✓

Вот с этими директивами: с одной стороны - прозондировать почву, подготовить людей, с которыми я был связан к вопросу террора; с другой стороны найти людей, которые могли бы быть использованными для террористических актов. Принять

также меры для того, чтобы расширить зону нашего влияния (имелись в виду элементы, которые нам понадобились бы на другой день после захвата нами власти; те элементы, которые являются колеблющимися, сомневающимися, подверженными быстрому переходу с партийных рельс на наши рельсы); с этими директивами я уехал в Свердловск.

Все это я, по приезде в Свердловск, передал находившимся там, Александрову и Кармалитову, принадлежащих к бухаринской школе.

Рыков: Кто с ними вас свел?

Нестеров: Радин.

Они выразили свое согласие во всем, о чем я им говорил от имени Рыкова. Были, конечно, длительные разговоры на все эти темы. Высказывались и некоторые сомнения, насколько эти мероприятия целесообразны. Но в итоге они дали свое согласие на участие в террористической борьбе, на то, чтобы их активно использовать в этой борьбе.

Кроме того мне удалось завязать отношения с рядом других людей (Медников и др.). От них я террор конспирировал, они не были посвящены в это, но могли, конечно, догадываться, о чем идет речь.

Рыков: Меня интересует вопрос о разговоре моем с Нестеровым, который, якобы, был пять лет тому назад. На протяжении этих лет от разговоров Нестерова со мной должен был остаться пиковый интерес. Об этом разговоре записей ведь не было.

Нестеров: Разговор этот действительно был 5 лет тому назад, но не в этом дело. Естественно, что отдельные неточности в выражениях могут быть, но основные установки, которые излагал Рыков мне тогда, я воспроизвожу здесь.

Рыков: Да, смело. Второй вопрос: это связь с Александровым и Кармалитовым. Радин показывает, что я, будучи в 1930г. в Свердловске, лично связался с Александровым и Кармалитовым и лично давал им какие-то директивы. Они путают, один говорит, что я давал директивы, Нестеров гово-

рит, что сам их давал. Если вы давали директивы, то зачем вам нужно было в дальнейшем получать к ним же ходы через Радина.

Нестеров: О каких директивах вы говорите?

Рыков: Я хочу спросить о связи с Александровым и Кармалитовым в 1930г., когда мы вместе с Вами приезжали в Свердловск.

Нестеров: С Александровым и Кармалитовым я впервые познакомился в 1930г., когда мы приезжали с Вами в Свердловск. Это был совершенно другой период, тогда работа была полупроизвольная. Мелочи, детали в отличие от мыслей и идей легко забываются. Поэтому здесь могут быть некоторые неточности. Но нам и Вам в 1930г. надо было узнать о положении правых в Свердловске, нам надо было проинструктировать Александрова и Кармалитова и мы это сделали, и как я сейчас вспоминаю, они были вызваны к вам в вагон.

Я сейчас затрудняюсь сказать, сколько слов сказал Радин, сколько слов сказал Кармалитов, кто первый вошел в вагон, я этого не помню. Но помню, что встреча с Александровым и Кармалитовым была. Разговор тогда был о двурушнической тактике и это знакомство не давало мне твердой почвы для того, чтобы говорить с ними в 1931г. открыто и тем более о терроре.

Рыков: Но вы встречались с ними, как с членами нелегальной организации.

Нестеров: Первая встреча с ними была до 16-го съезда партии. Тогда мы не ставили вопросы об острых методах борьбы с партией.

А для разговоров с ними о терроре мне нужна была более твердая поручка, поэтому я, который знал их недостаточно крепко, уезжая в 1931г., после разговора с вами, в Свердловск, заручился характеристикой Александрова и Кармалитова от Радина.

Рыков: Что же эти профессора были всегда террористами?

Нестеров: Я думаю, что тогда на всех перекрестках и уголках о терроре не говорили. Настроения эти были, но они ползли от одного к другому: Радин говорил с Нестеровым,

Радин говорил с Гольдманом. Но я действительно знал о на-
строениях Александрова и Кармалитова. И поэтому, когда я им
в 1931г. передал мой разговор с вами о переходе к более
острым методам борьбы с партией, т.е. о терроре, с их сто-
роны я серьезных возражений не встретил. Приводились всякие
аргументы, все это было и все это естественно.

Ежов: Есть еще вопросы по первой встрече с Нестеровым?

Рыков: Нет.

Ежов: Были ли у Вас встречи и разговоры с Рыковым
после 1931 года?

Нестеров: Была еще одна встреча весной 1932г. Разговор
мой с Рыковым в эту встречу имел еще более развернутый, бо-
лее острый характер.

В этой беседе в 1932г. я информировал Рыкова о том,
что нам удалось сделать в Свердловске, а Рыков дал мне бо-
лее конкретные, более четкие директивы.

Рыков: в 1932 году?

Нестеров: Да, в 1932 году мы говорили о нарастании
продовольственных трудностей, о нарастании трудностей вообще.
В городе они выражались в том, что все труднее и труднее уда-
валось получить продукты, зарплата номинально росла, товаров
становилось все меньше и меньше. Мы говорили об особом
нажиге на деревне, так как тяжело приходилось получать хлеб
из деревни, отсюда и нарастание этой особой остроты. Вы го-
ворили о целом ряде мероприятий партии, которые были заим-
ствованы из нашей программы.

О Ширпотребе вы, Алексей Иванович, тогда говорили, что
нас обворовывают, говорили относительно того, что в деревне
ведется политика завинчивания административного винта.

Рыков: Ширпотреб - это же хорошо, это же должно быть
лучше.

Нестеров: Вы говорили, что это подтверждает нашу пра-
воту.

Вы говорили, что от нас (правых) берут лоскутками.

Тогда же партией были проведены мероприятия по линии сельского хозяйства, колхозной торговли. О результатах этой политики мы еще не могли говорить. Мы их оценивали пессимистически.

Мы говорили, что эти отдельные мероприятия не могут дать полного успеха. Только совокупность тех мероприятий, которые мы противопоставляли политике партии, иначе говоря, программа правых может вывести страну из тупика, поэтому мы - правые должны вести дальше свою борьбу, говорили Вы.

Легальные формы борьбы исчерпаны. К ним возвращаться мы не можем.

Остается поэтому один метод - террор, блок с троцкистами и другими оппозиционными группами для насильственного устранения руководства ВКП(б) и это дело надо переводить на практические рельсы. Об этом я подробно говорил в своих показаниях.

Рыков: Не путаете ли вы свои разговоры со мною еще с кем-нибудь. Может быть вы об этом с кем-нибудь другим говорили?

Нестеров: Я не путаю. Я достаточно здесь подумал над всеми вопросами и сейчас воспроизвожу вещи так, как они были. Какое слово сказал кто - я за это полностью не могу поручиться, но то, что я говорю, отвечает действительности. Если вы считаете, что я говорю неправду, тогда скажите, постарайтесь меня уличить в противоречиях.

Рыков: Вы можете перепутать разговор потому, что вы месяцами головой хвораете.

Нестеров: Вы же тоже годами лечитесь, не только месяцами.

Рыков: Я же от живота лечился, а не от головы.

Нестеров: Не думаю, чтобы то, что я здесь говорил - было для вас новостью. Не думаю, чтобы мои слова произвели на вас сокрушающее впечатление.

Вы, конечно, можете, меня оскорблять, я могу вам тем же ответить, но я думаю, что здесь для этого не место и не время.

Рыков: Как можно быть свидетелем в таком деле и как можно человеку, болевшему головой, запомнить вещи, о которых говорилось 5-6 лет тому назад.

Они между собой вели такие разговоры...

Ежов: Откуда вы знаете, что они между собой вели такие разговоры?

Рыков: Я лично не сомневаюсь, что такие разговоры у них велись. Я с Лениным разговаривал много, но чтобы я решился через 5-6 лет изложить его речь и взять ее в кавычки - не знаю. Даже в тот период, когда произносится речь и сразу же другим воспроизводится, - уже происходит спор, сказал человек это или нет, а тут разговор идет о том, что говорилось 6 лет тому назад. Это получается такого рода бессмыслица, что я не признаю этого.

Ежов: Чем вы объясняете эти показания?

Рыков: Я объясняю этот разговор тем бесчисленным количеством настроений и наслоений, которые там были. Если будет ставка с Радиным, я буду его уличать в том, что он в 1932г. приехал ко мне, говорил, что меня на руководство никогда не пустят и что надо начать борьбу. Теперь совершенно ясно, что он явился ко мне эмиссаром.

Эти же люди, которых я призывал покончить борьбу, - Радина и других, они теперь говорят наоборот, а Нестеров с Радиным был близок. Радин приходил не только от себя, а и от Нестерова.

Ежов: Значит Радин в 1932г. к вам приходил и ставил вопрос об активизации борьбы с руководством ВКП(б) и вы даже приняли его за чьего-то эмиссара?

Рыков: Я сейчас вспоминаю, что он приходил. Я об этом скажу при ставке с Радиным.

Нестеров: Я не стремлюсь ответственность перекладывать на другого. Вы вот, Алексей Иванович, хорошо помните, что было 5 лет тому назад, вы ведь воспроизводите свой разговор с Радиным в 1932 г.?

Рыков: Но я этот разговор воспроизвожу не дословно и не ставлю его в кавычках. Вы с Радиным больше говорили и наверно в тюрьме договорились.

Нестеров: Я с Радиным не сидел в тюрьме и не видел его с 1932г., я только здесь узнал, что он арестован.

Я могу забыть мои разговоры с кем-либо другим, но этого не может быть в отношении моих разговоров с Вами. Вы для меня были большим человеком и Ваши слова иначе откладываются в моих мозгах, чем разговоры других.

Вы думаете, что я - Нестеров и еще кто-то решили вас утопить. Этого нет, Алексей Иванович. Я говорю то, что имело место.

Рыков: О терроре я вам никогда не говорил.

Нестеров: Я заявляю, что вы говорили.

Ежов: Вопросов друг к другу нет? Тогда на этом кончаем.

30-нб
ня

